

Глава 17. Добрые намерения

— Можно? Пусть они останутся здесь на день.

Листья киноварного дерева оказались мягкими и приятными на ощупь, так что Чжао Ци не удержался и напоследок ласково погладил их. Один из нежных молодых побегов словно бы кивнул в ответ и обвился вокруг его пальца. Вскоре все ветви вернулись на свои места, согласно зашумев листвой, а следом затрепетал и сам исполин. Его багровая крона, похожая на пышное облако, заколыхалась, и этот призыв тут же подхватили соседние киноварные деревья.

Фэн застыл на месте, по пояс в воде, заворожённый этим зрелищем.

Пока деревья шуршали листвой, по роще разлился тонкий свежий аромат — чистый запах живой зелени. Чжао Ци с наслаждением вдохнул его полной грудью и весело расхохотался. Шагнув по воде, он подхватил стоявшего на коленях Фэна под локоть и помог ему подняться.

— Оно согласилось!

— Слуга горного божества... и впрямь внял твоей просьбе...

В этот миг Чжао Ци перехватил взгляд Фэна — от этого выражения лица у него даже мурашки по коже побежали. Не удержавшись, он легко хлопнул вождя по макушке:

— Что за глупости тебе в голову лезут?

О чём он думал? Разумеется, о том, не течёт ли и в жилах Чжао Ци кровь древних богов. Фэн покосился на стоявшего рядом мальчишку, но, натолкнувшись на его недобрый, предостерегающий взгляд, поспешно отвёл глаза и низко поклонился великому киноварному дереву.

Весть о том, что Роща киноварных деревьев приняла их, разнеслась быстрее, чем Фэн и Чжао Ци успели вернуться. Хищно топорщившиеся, готовые к бою ветви киноварных деревьев внезапно поникли и замерли на своих местах. Вся роща тихо колыхалась, вторя невидимому импульсу, шедшему от самого её сердца.

Жрец Мин протёр глаза и с дрожью в голосе — то ли от горечи, то ли от облегчения — прошептал:

— У них... у них получилось... Сегодня мы сможем укрыться здесь.

Охотники пошли первыми, увлекая за собой остальных. Когда соплеменники увидели, что грозные ветви больше не угрожают им, среди них поднялся оживлённый гул.

— Они возвращаются! — выкрикнул кто-то в толпе.

И все взгляды тут же устремились на Фэна и Чжао Ци.

Вода под ногами всё так же стремительно неслась прочь, за пределами рощи по-прежнему стеной лил дождь, но люди замерли в глубоком молчании. Чжао Ци весело усмехнулся, нарушив эту тишину, и легонько подтолкнул Фэна в плечо:

— Ну же, говори с ними.

Фэн смахнул с лица дождевые капли — а может, и слёзы, — посмотрел на жреца Мина, а затем обвёл взглядом измученных, павших духом соплеменников:

— Только что мы встретились со слугой горного божества. Тем самым, из древних легенд... с величайшим киноварным деревом горы Ми!

— Что?!

— Это правда?!

— Горное божество... оно всё ещё с нами! Оно не покинуло свой народ!

Несколько стариков во главе со старым жрецом без сил опустились на колени прямо в грязную воду. Их исступлённый трепет ничуть не уступал тому, что давеча испытал Фэн. Чжао Ци невольно вздрогнул от этой картины и негромко заметил:

— Похоже, горное божество для них — вся жизнь.

Тао молча кивнул. Чжао Ци смотрел, как эти люди, слушая рассказ Фэна, то принимались рыдать, то смеялись сквозь слёзы, то падали ниц, то поднимались с колен. Прежняя тупая покорность судьбе в их глазах сменилась ярким блеском.

Они прошли чуть дальше, вверх по склону рощи. Здесь вода была не такой глубокой, да и густые кроны надёжнее защищали от ливня. Племя Дань наконец-то получило долгожданную передышку.

Кругом хлюпало месиво из воды и грязи. Из этого импровизированного озера выступали лишь раскидистые, влажные корни киноварных деревьев. Люди устраивались прямо на них, стараясь

найти место посуше. Чжао Ци решил не мешать им и отсел в сторону, увлекая за собой Тао.

Дождь мерно стучал по листьям. Слушая этот умиротворяющий шум, Чжао Ци перевёл дух и посмотрел на Тао. Мальчишка промок до нитки и выглядел на редкость нелепо: меховая накидка из ушастой мыши свалилась от сырости и жалко висела клочьями. Чжао Ци опустил взгляд на себя и невольно усмехнулся — сам он был хорош не меньше.

Футболку где-то разорвало — на боку зияла огромная дыра, штаны покрывала корка засохшей грязи, а на ногах красовался единственный уцелевший кроссовок. Чжао Ци вздохнул, стянул его и со всплеском забросил в мутный поток.

— Всё равно пару не найду, — хмыкнул он. — Будем надеяться, они прибьются к одному берегу.

Тао недоумённо уставился на него. Пробегать всю ночь, спасая шкуру, лишиться обуви и одежды — и всё равно радоваться жизни как ни в чём не бывало? Чему тут смеяться?

— Ну чего ты нос повесил? Будешь хмуриться — так и останешься коротышкой!

Чжао Ци потрепал его по волосам и велел снять мокрые шкуры. Просидеть до утра во влажном меху — верный способ подхватить лихорадку. Он помог стащить одежду, развесил её на ветке и сладко, во весь рот зевнул.

Время шло к рассвету, но часов у него не было. Сначала этот безумный ночной побег, потом долгие поиски убежища... Стоило опасности миновать, как на Чжао Ци навалилась нечеловеческая усталость. Мысли путались, веки налились свинцом, а тело требовало сна.

Он устроился на узловатом корне киноvarного дерева, подыскивая сухое местечко, где можно было хоть как-то примоститься. Напоследок он услышал, как Тао шепнул ему на ухо: «Спи», — и в то же мгновение провалился в небытие.

Тао сжал губы. На его ладони затеплилось тусклое чёрное сияние. Люди из племени о чём-то вполголоса переговаривались в отдалении, им было не до них. Мальчик повёл рукой, и тёмный свет соткался в тончайшую, почти невидимую плёнку. Она легла прямо поверх мокрых корней под Чжао Ци, надёжно защищая его от сырости и сочащейся отовсюду влаги.

Чжао Ци спал беспробудным сном, ничего не почувствовав.

Тао долго смотрел на него. Он не сводил глаз с мужчины до тех пор, пока небо на востоке не тронула серая предрассветная дымка. Лишь тогда мальчик позволил себе закрыть воспалённые глаза.

Ночь, когда разразился гнев горного божества, осталась позади. Потоп не унёс их жизни, и раненные крылья больше не горели нестерпимой мукой. Всё обошлось.

Он просто лежал рядом с Чжао Ци и засыпал в тишине и покое, позабыв о бушующей снаружи стихии и прибывающей воде.

— Осторожнее! Давайте сначала разберёмся, кого не хватает!

Чжао Ци проснулся от громкого крика. Потирая затёкшую шею и морщась от ломоты во всём теле, он огляделся. Вода почти полностью ушла из Роши киноварных деревьев, оставив после себя лишь горы принесённого половодьем мусора. Мужчина с трудом поднялся на ноги.

Стоять босиком на сырой земле было непривычно. Речной ил смешался с крупным песком и мелкими камнями, и при каждом шаге под пальцами проступала мутная жижа. Осмотрев свои испачканные ступни, Чжао Ци перевёл взгляд на растревоженную толпу.

Люди сбились в кучу. В самом центре стоял Фэн и, указывая пальцем на каждого, подсчитывал выживших. Вокруг него на мокрых валунах сидели измученные старики и молодёжь.

— Так, значит, мальчишек по имени Е и Сяо Хэй нигде нет, — хмуро перечислял вождь. — Старика Ханя тоже никто не видел. Кто ранен?

Чжао Ци неторопливо направился к ним, оглядываясь по сторонам. Тяжёлые плоды киноварных деревьев клонились к земле, а кончики листьев заметно пожелтели — видимо, сказалась бурная ночь в воде. Но куда подевался Тао? На ветке, где висела его одежда, было пусто.

Возле Фэна толпились соплеменники с серыми от усталости лицами, какая-то женщина тихонько всхлипывала в стороне. Вождь переходил от одного раненого к другому, спрашивая о самочувствии.

— Сильно задело? Наступить на ногу можешь? Как сейчас боль?

Заглянув через плечи столпившихся охотников, Чжао Ци увидел лежащего на траве Муму. На его голени зияла глубокая рваная рана. Края её воспалились и припухли, представляя собой жуткое зрелище.

В такую удушливую жару без должной обработки порез неизбежно загноится. А там и до заражения крови недалеко, что грозило потерей конечности или даже смертью.

Бледный как полотно Муму прислонился спиной к стволу дерева. Он смотрел с глухим отчаянием.

— Если нога не заживёт, я больше не жилец, — хрипло выговорил он, глядя на вождя. — Изгони меня из племени, Фэн... Обузой быть не хочу.

— И меня тоже, — донёсся тихий голос из толпы. Сгорбленный старик тяжело вздохнул: — От нас, калек да немощных, охотникам только лишняя забота.

Чжао Ци повернулся на голос. Говорил сутулый, высохший старик. Стоило ему замолкнуть, как его слова унылым эхом подхватили остальные пожилые люди. Над рощей вновь сгустилась тяжёлая атмосфера безысходности.

Не успели они договорить, как с низины запыхавшись прибежал Сяо У. На парне лица не было от горя:

— Вождь! Вода уходит, но... Даньское водное болото затопило целиком! Наша пещера почти ушла под воду, только маковка видна... Ни припасов не осталось, ни уцелевших.

Даже если там кто-то и выжил, у них просто не было сил пробиться к пещере через бурлящие потоки.

Судьба наносила удар за ударом по этим несчастным людям. Ещё вчера они грелись у очага в кругу близких, а сегодня лишились крыши над головой. А кто-то потерял и родных.

Кто-то первым не выдержал и громко зарыдал. Этот плач мгновенно подхватили остальные. Вскоре рыдала уже добрая половина племени, и даже суровые охотники украдкой утирали слёзы.

Муму покосился на свою распухшую ногу и зло сплюнул:

— Чего развылись?! Будто первый раз гнев горного божества видим! В каждый сезон дождей топит, просто в этот раз сильнее прижало. Пещеру заново выдолбим! А ну прекратить сырость разводить!

— Дом мы отстроим! Раз горное божество сохранило нам жизнь, мы выстоим и останемся на горе Ми навсегда! — Фэн решительно взмахнул рукой.

Его слова немного приободрили людей, уняв всеобщую панику. Чжао Ци молча сжал кулаки. Смотреть на чужое горе без сострадания он просто не мог.

— Мне нужны люди, чтобы набрать целебных трав, — негромко произнёс Чжао Ци. — Если не обработать раны сейчас, начнётся заражение.

— Я пойду с тобой! — вызвался один из охотников.

— И я!

— Возьми меня, Чжао Ци!

Его слова подействовали на племя как спасительная соломинка. Люди толком не знали, что это за "травы", но в них забрезжила надежда, что Муму и другие раненные смогут поправиться.

Фэн быстро распределил обязанности: часть людей осталась прочёсывать рощу в поисках хоть какого-то пропитания. Сам вождь не стал собирать охотничий отряд, а позвал с собой Яна и вызвался сопровождать Чжао Ци.

— Смотрите, вот эти круглые листочки с волнистыми краями — вербейник монетчатый, — Чжао Ци сорвал пригоршню сочных листьев. — Их надо промыть, истолочь в кашу и приложить к ране, тогда сойдёт краснота и утихнет зуд. А вот эта лоза, — он потянул за свисающий стебель, — внутри полая, полная жёлтой пыльцы. Если её вытряхнуть на порез, кровь быстро остановится.

Чжао Ци говорил обстоятельно, а его спутники ловили каждое слово. Сяо У смотрел на него с нескрываемым восхищением и, едва мужчина замолчал, робко спросил:

— Чжао Ци, ты что, шаман-целитель? Столько всего знаешь!

— Да брось ты, какой из меня шаман, — рассмеялся Чжао Ци. — Просто в растениях немного разбираюсь.

Фэн шёл следом, храня молчание. Стоило им наткнуться на незнакомый куст или цветок, как он тут же интересовался его свойствами, и Чжао Ци в большинстве случаев подробно отвечал. В какой-то момент Чжао Ци выпрямился и заметил, что соплеменники смотрят на него теперь совсем по-другому — с глубоким почтением.

— Я должен извиниться за свои прежние слова, — негромко произнёс Фэн.

Чжао Ци, собиравший в этот момент целебные корни от простуды, замер. Эх, сейчас бы раздобыть котелок да сварить отвар... Но у племени не было даже простых глиняных плошек. Услышав признание вождя, он растерянно моргнул:

— Что? О чём это ты?

— Насчёт того мальчишки... Раз он твой названный брат, мы не вправе гнать тебя прочь из-за него. Ты сделал для нашего племени слишком много, чтобы мы отплатили тебе такой чёрной неблагодарностью.

<http://bllate.org/book/18215/1749806>